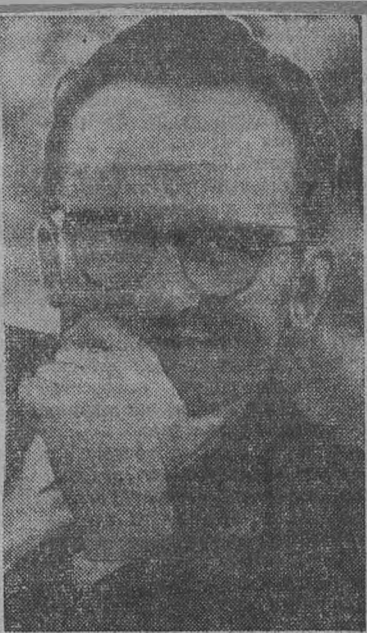

ДВА ЗАМЕТКИ РЕЖИССЕРА БАРИТОНА

Редакция газеты обратилась ко мне с просьбой рассказать о наших двух молодых певцах Николае Дмитриенко и Андрее Федосееве, причем объединив их творческие портреты. Такое предложение сразу удивило и озадачило, но затем показалось естественным, логичным, а главное — творчески интересным.

Конечно, они актеры очень разные, настолько разные, что на первый взгляд общее между ними найти невозможно. Но при всей популярности вокально-сценических данных, творчество Дмитриенко и Федосеева всегда глубоко индивидуально, предельно ярко и неповторимо. Творческий путь Дмитриенко и Федосеева — в стадии активного становления, формирования, причем процесс этот движется столь быстро и стремительно, с такой неумной молодостью, что найти точные слова необыкновенно трудно.

Оба баритона почти в одно время и в одном возрасте пришли в театр. Они из тех, кто сегодня опеределяет творческое лицо нашей оперы. В то же время становление и развитие их мастерства неотделимо от творческой энергии руководителей-дирижеров, режиссеров, от коллектива Новосибирского академического театра, с его заботой о молодежи. Неотделимо и от зрителя, который всегда активен в оценке актера. Одним больше по душе Дмитриенко, другие предпочитают Федосеева, подавляющему большинству нравятся они оба.

Николай Дмитриенко вырос в семье, где всегда уважали труд, работал слесарем на заводе. Когда началась Великая Отечественная война, был взят в артиллерийскую школу. Там впервые Николай запел, заменив в хоре товарища. Тогда-то и прозвучала фраза, навсегда смутившая покой юнши: «А у тебя, парень, голос». И хотя он мало обратил внимания на эти слова, тем не менее уже ни один концерт самодельности не обходился без него.

Шли годы. Менялись города. Армия. Офицер Дмитриенко руководит хором и, наконец, затаенная мечта — Киевская консерватория, которую он в 1958 году успешно заканчивает. Как сложится жизнь? Неожиданно для многих, но абсолютно закономерно для себя, Дмитриенко уезжает в Омск и становится ведущим солистом театра оперетты.

Так началась творческая биография оперного певца: в жанре, где оттачивается чувство сцены и партнера, слово и жест, ритм и выразительность.

Работая в оперетте, Дмитриенко не только мечтал об опере, но и занимался ею. Арии из опер, сцены и дуэты всегда были в концертном репертуаре артиста. А совсем рядом — всего один час самолетом — в Новосибирске ежевечерне поднимал занавес Большой театр Сибири.

— В чем хотите дебютировать? — спросили его после успешного прослушивания.

— В «Онегине», — уверенно ответил Николай.

В 1961 году Николай Дмитриенко становится солистом Новосибирской оперы.

В этом же году, и также дебю-

тируя Онегиным, стал солистом театра Андрей Федосеев. Он увлекался музыкой с детства, пел в школьном хоре, был участником ансамбля бандуристов на Украине, на выпускном школьном вечере, прицепив бороду и взяв в руки палку, спел арию... Сусанина.

Андрей поступил в Московский архитектурный институт, где, кроме занятий по основным дисциплинам, яростно посещал кружок сольного пения. Архитектура и вокал идут рядом. Андрей еще учится на 5 курсе архитектурного, а уже поступает на 1 курс Московской государственной консерватории. Окончен институт. Будучи студентом 4 курса, Андрей участвует в I Всесоюзном конкурсе вокалистов им. Глинки и завоевывает звание лауреата. Окончена и консерватория, две профессии: архитектор и артист. Суть одна — созидание. Только в одном случае — зданий, в другом — человеческих душ. Побеждает второе. Дебютный «Онегин» совпадает с первой зарубежной поездкой в г. Хельсинки, на Всемирный фестиваль молодежи и студентов. И так, совсем еще молодой, но уже дважды лауреат и обладатель золотой медали фестиваля Андрей Федосеев — солист Новосибирской оперы.

Оба артиста с головой уходят в работу. Первые роли, первые сомнения, огорчения, удачи. Постепенно формируется своеобразный творческий почерк каждого. Бунтуют ум и сердце, мысль и чувство. В этом творческом сплаве у одного впереди мысль, у другого — чувство.

Дмитриенко — предельно эмоционален. Свобода звука, полного металла, и удивительной «полетности», сочность фразировки и повышенная экспрессия исполнения забирают в плен, подчиняя зрителя. У Федосеева как бы наоборот. Его герои всегда интеллектуальны. Он любит умную простоту, глубину характера, мысль — в самом разном ее проявлении: вокале, паузе, движении, взгляде. Но это совсем не холодная рассудочность или сухость, наоборот — это темперамент мысли.

Не случайно потому у Дмитриенко и Федосеева разные герои, определившие их творческую индивидуальность. Но даже в том случае, когда оба баритона участвуют в создании одного и того же образа — результат всегда неожиданен, своеобразен и резко индивидуален. Из вихря, непокорного буйства, словно часть вечной скалы, впервые возникает Демон Дмитриенко. До последней картины он загадочно таинственен, маняще необъясним, полным скорби, отрицания и трагическим чувством печали. Дмитриенко лепит психологический портрет, человечески достоверный и глубоко волнующий. Целая гамма чувств — тихая нежность и необузданная страсть, муки одиночества и неистовое желание счастья, любовь и испепеляющая ненависть — передаются актером не условным изображением страданий некоего духа, а близким, понятным нам языком человеческих чувств. Демон — человек не только не отрицает, а наоборот — определяет и масштаб, и философию, и бунтарскую мощь лермонтовского героя.

Для Федосеева, пожалуй, ти-

пичен другой образ. Опера Моцарта «Дон Жуан» — это искрометный спектакль-праздник, где буффонада сменяется трагическим монологом, великое соседствует с плутовским, где простота и правда стали хозяевами жизни. Свободно, легко и радостно чувствует себя в таком спектакле Дон Жуан Федосеева. Он умен и ироничен, по-моцартовски грациозен, полнокровен и горяч, по-байроновски «беспечен, молод и богат». Драматические эпизоды чередуются с жанрово-бытовыми, лирические сменяются комедийными.

Но вслушайтесь в вокально-интонационный характер исполнения, всмотритесь глубже в глаза блестящего повесы из Севильи — и поначалу неуловимый, скрытый под остроумной фабулой сюжета подтекст становится все упорней, ясней, требовательней. Это мысль о несовершенстве мира, о неприятности лжи и глупости, ханжества и чванства, убогости и скуки, Восхищаясь умом, бесстрашием и ловкостью Дон Жуана, осуждая его за целый ряд физиологически-легкомысленных поступков, мы вместе с актером понимаем и неизбежность гибели этой талантливой личности, ибо «в однообразной, скудной пустоте простора нет ни мысли, ни мечты» (Байрон). Во многих операх оба актера — создатели одной и той же роли — Елецкий, Фигаро, Дон Жуан, Сильвио, Онегин... Это всегда различные характеры, особенно в «Травиате» Верди в партии Жоржа Жермона. Кто же ближе к точности решения, к замыслу композитора? Оба артиста. В том-то и гениальность Верди, что его музыкально-драматургический материал дает необыкновенно щедрый простор для разноречивости — в зависимости от решения спектакля в целом и от индивидуальных особенностей певца-актера.

Дмитриенко и Федосеев в полном расцвете молодых творческих сил. Их репертуарный «багаж» разнообразен и значителен. Елецкий и Томский, Сильвио и Тонио, Фигаро и Ди Луна, Онегин и Амонасро, Марсель и Мизгирь, Эскамильо и Риголетто...

Вместе с театром они побывали на гастролях в Москве, неоднократно выступали в спектаклях Большого театра и театра имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко, не раз выезжали за рубеж.

Новый театральный сезон и сразу новая работа — талацтливая опера выдающегося советского композитора, лауреата Ленинской премии С. Прокофьева «Война и мир». В этой грандиозной эпопее герои Федосеева (Болконский) и Дмитриенко (Наполеон) — антиподы, и на сцене не встретятся. Их жизни переплетены в ураганном смертельном шквале судьбы человеческой и судьбы народной. Мы верим в их успех не только потому, что творческие данные певцов попадают, как говорят, в «самую точку», но и потому, что они — актеры одного большого коллектива, с вниманием, уважением, доброжелательно, хотя и с естественным чувством творческого соревнования, относятся друг к другу.

С. ШТЕИН,
режиссер Новосибирского академического театра оперы и балета.

НА СНИМКАХ: (слева) Н. Дмитриенко и справа — А. Федосеев.